

М. В. Ленчиненко,

заведующая сектором книг Отдела редких книг и рукописей
Научной библиотеки Московского государственного университета
им. М. В. Ломоносова

СЕМЕЙНАЯ ДВОРЯНСКАЯ БИБЛИОТЕКА МУРАВЬЕВЫХ В УНИВЕРСИТЕТСКОМ СОБРАНИИ

Доклад посвящен вопросам, которые возникают при изучении состава дворянской семейной библиотеки в контексте университетского книжного собрания. К таковым относятся история поступления библиотеки в университет, когда одним из владельцев книг является с точки зрения господствующего режима политический преступник (декабрист), тесно связанный с этой темой вопрос университетской цензуры, а также бытование книг данного собрания в профессорской среде, что привносит множество помет на страницах книг, резко затрудняющих работу по изучению дворянского домашнего чтения.

Ключевые слова: дворянская семейная библиотека, университетская цензура, пометы, университетская книга.

Изучение дворянской библиотеки в контексте университетского собрания позволяет реально представить степень самостоятельности университетов в комплектовании своих книжных фондов в середине XIX века. Имеется в виду история поступления библиотеки в Императорский Московский университет (ИМУ) в тот момент, когда один из ее владельцев, а именно Никита Муравьев, все еще числился политическим преступником, хотя и умершим, а на троне находился Николай I, начало царствования которого было омрачено восстанием на Сенатской площади 14 декабря 1825 г., в подготовке которого бывший владелец библиотеки сыграл немалую роль.

В 1844 г. Е. Ф. Муравьева (1771–1848) дарит университету книги мужа-поэта Муравьева Михаила Никитича (1757–1807), бывшего с 1803 по 1807 г. попечителем ИМУ. Сделала она это после смерти на поселении в Сибири их сына Никиты, главы Северного общества, последовавшей в 1843 г. Большая часть книг принадлежала именно ему, но переданы они были как книги отца. Университет принимает этот дар, а Екатерина Федоровна заказывает экслибрис, на котором указаны имена владельцев, и не только отца, но и сына. В благодарственном письме тогдашнего попечителя университета С. Г. Строганова от 26 октября 1844 г. говорилось: “Милостивая государыня, Екатерина Федоровна. Принося Вашему Превосходительству искреннейшую благодарность лично от себя и от всего ученого сословия Московского Университета за сделанное Вами, в пользу Университета, столь значительное пожертвование, честь имею уведомить, что я предложил Ректору Университета откомандировать библиотекаря Надворного советника Рихтера для принятия назначенных Вами книг, которые и будут

храниться в Университетской Библиотеке, согласно желанию Вашему, под именем: *Муравьевских*¹.

Что имелось в виду “под именем Муравьевских” — не понятно. Возможно, отметка в каталоге. Мысль о том, чтобы хранить эти книги отдельно, придет намного позже. Пока же они были влиты в общий фонд. В 1867 году часть из них была передана в недавно созданный Новороссийский, ныне Одесский, университет в составе дара ИМУ, насчитывавшего около 400 названий. Так что в основании Научной библиотеки Одесского университета покоятся также и книги семьи Муравьевых².

Думается, что именно работа с библиотекой Муравьевых навела на мысль о необходимости выделения частных библиотек из общего фонда в Научной библиотеке МГУ. В 1933 году вышла книга Н. М. Дружинина “Никита Муравьев”, в которой историк активно привлекал книжное собрание декабриста как исторический источник, а в конце своего исследования привел список тех книг, которые ему удалось обнаружить по каталогу. Судя по старым инвентарным книгам, хранящимся в Отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ, уже к 1940 г. значительная часть книжного собрания Муравьевых была выявлена, но начавшаяся Великая Отечественная война приостановила эту работу.

В ежегодном университетском отчете³ было отмечено, что приобретение муравьевской библиотеки, которое включало в себя более 4 тысяч печатных и около 40 рукописных томов, было особенно ценно тремя собственноручными рукописями Региомонтана (псевдоним известного немецкого астронома и математика XV века Иоганна Мюллера) на латинском языке. Это “*In Jacobi Angeli Florentini, versionem Geographiae Claudii Ptolemaci adnotationes*”, “*Defensio Theonis contra Trapezuntium*” и “*De triangulis omnimodis libri V*”. Из подаренных книг особо отмечено издание Паоло Мануция речей Демосфена на греческом языке в трех томах (Венеция, 1554).

Мы не обнаружили пока документов, которые бы объясняли, почему отобранные книги были переданы в университет, но догадаться несложно. Оба — и отец, и сын — учились в университете⁴. Последние четыре года своей жизни Михаил Никитич был назначен попечителем Московского университета. Очевидно, это и объясняет появление данного собрания в наших стенах.

Замечательного имени отца было достаточно, чтобы спрятать за ним имя преступного сына. Попечитель С. Г. Строганов мог своей властью распоря-

¹ Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ). Фонд 1153. Оп. 1. Д. 15. Л. 1.

² Фундаментальный каталог Библиотеки Императорского Новороссийского университета на 1 мая 1865 года. См. также: Дарители Научной библиотеки Одесского (Новороссийского) университета (1865–1920): материалы к истории Одесского национального университета им. И. И. Мечникова. — Одесса, 2005. — С. 370–371.

³ Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1844 академический и 1845 гражданский год. С. 33.

⁴ Правда, ни один, ни другой его не закончили. Михаила Никитича отец-сенатор забрал из университета, потому что получил назначение в Вологду и взял с собой сына. А Никите помешала начавшая в 1812 г. война с Наполеоном и желание во что бы то ни стало защитить Отечество.

даться взять в библиотеку университета книги, на большинстве титульных листов которых начертан экслибрис: “Из книг Никиты Муравьева” или “Никита Муравьев”.

И хотя библиотека политического преступника была принята университетом, тема цензуры не может не возникнуть. Это второй аспект, который хотелось выделить в ходе рассмотрения дворянской библиотеки на фоне университетского собрания. На некоторых изданиях можно найти библиотечную запись середины XIX века: “запр. д. п.”, т. е. “запрещено для публики”. Это зарубежные издания, главным образом, французские, посвященные вопросам политэкономии, Венскому конгрессу 1814–1815 гг., военным коалициям начала XIX века и ряду других¹. Хорошо просматривается запретная тема посягательств на жизнь главы государства. Это записки Жанны-Луизы Кампан о Марии-Антуанетте, Гаспара Гурго о Франции времен Наполеона и о самом Наполеоне, тем более что он длительное время был рядом с ним и даже спас ему жизнь в 1813 г. Книга бывшего мексиканского императора Итурбиде Августина, который требовал введения в Мексике конституционной формы правления. Будучи свергнутым, при попытке вернуть престол он был расстрелян. Это и “Жизнь Витторио Альфиери, описанная им самим”. Его драмы пропагандировали идеи борьбы аристократов за освобождение народа от тирании и воспитали поколение итальянских аристократов якобинского толка, и позже — карбонариев. Запрету подверглись и авторы первых книг о Французской революции Тулонжон и Лакретель. Самое пристальное внимание уделено россиянке. Среди запрещенных оказывается книга Лаверне о Суворове. Этой книги не могло не быть в собрании Муравьевых, поскольку Никита работал над темой жизнеописаний Суворова и опубликовал свою работу в “Сыне Отечества” за 1816 год. Считается, что этой книгой пользовался Байрон для нравственной характеристики непревзойденного генералиссимуса. В поэме “Дон-Жуан” его герой сражается в рядах русской армии при взятии Суворовым Измаила и в награду направляется с донесением к Екатерине II. Поэт явно хотел уйти от мифологизированного образа:

“(Признаться вам — Суворова я сам
Без колебаний чудом называю!)
То прост, то горд, то ласков, то упрям,
То шуткою, то верой ободряя,
То бог, то арлекин, то Марс, то Мом,
Он гением блистал в бою любом...”

“Он посмотрел на них не слишком строго
(Ведь жалостлив бывает и мясник)...”
“Суворов не любил вникать в детали,
Он был велик — а посему суров;
В пылу войны он замечал едва ли
Хрип раненых и причитанья вдов;

¹ Список книг из библиотеки Муравьевых, запрещенных цензурой для публики, прилагается в конце статьи.

Потери очень мало волновали
Фельдмаршала в дни яростных боев,
А всхлипыванья женские действительно
Не значили уж ничего решительно!" (пер. Татьяны Гнедич)

Не разрешалось читать книгу о Крыме аудитора Государственного Совета Франции, субпрефекта Суассона Ж. Рёйи, поскольку в ней изображается притеснение крымских татар после присоединения полуострова к Российской империи. Между тем, в книге приводятся ценные материалы по торговле в Одессе: импорт, экспорт, валютный курс на 1803 г.

Как выяснилось, запрещены эти книги были не по причине принадлежности Никите Муравьеву, а как запрещенные цензурой издания, поскольку в библиотеке хранятся другие экземпляры названных книг с такой же записью "запр. д. п.". Чтобы это выяснить, потребовалось обратиться к Генеральному каталогу, где сохранились старые карточки позапрошлого века, в верхнем правом углу которых шла та же самая пометка. Можно говорить о прозрачности царской и конкретно университетской цензуры. Такая политика была предусмотрена университетским уставом 1804 г.: "В Университетской библиотеке могут храниться все печатные и рукописные сочинения, кои по мнению Факультетов и библиотекаря иметь нужно. Но как сею библиотекою не только Профессоры, но и вся публика может пользоваться, то неограниченное на то позволение оставляется только Профессорам и Адъюнктам; а для других цензура те книги, кои считает соблазнительными и вредными, должна отметить в каталогах и на заглавных листах; и никому, кроме Профессоров и Адъюнктов, читать их не позволяется"¹.

Таким образом, университетская цензура приобрела реальные библиотечные формы. Думается, необходимо всячески сохранять старые карточные, папочные каталоги, поскольку они могут стать неожиданным источником в том или ином вопросе.

В библиотеке Муравьевых есть и другой пример цензуры, не университетской. В книге Г. Крафта "Подлинное и обстоятельное описание построенного в Санктпетербурге в генваре месяце 1740 года Ледяного дома..." императрицы Анны Иоанновны (Спб., 1741), вышедшей в свет уже при другой императрице — Елизавете, на с. 11–12 упоминался Иоанн Антонович. В елизаветинское правление имя Иоанна подвергалось гонению: печати его царствования переделывались, монета переливалась, все деловые бумаги с именем императора Иоанна предписано было собрать и выслать в Сенат; манифесты, присяжные листы, церковные книги, все формы поминовения особ императорского дома в церквах должны быть сожжены, остальные дела хранить за печатью и при справках с ними не употреблять титула и имени Иоанна, откуда явилось название этих документов "делами с известным титулом". В части тиража книги Крафта эти страницы были заменены новыми, с исправленным текстом, а в другой, куда попал и муравьевский экземпляр, цензоры просто-напросто разорвали лист по-

¹ Устав Императорского Московского Университета. Гл. 8. § 82.

полам и затем вырвали ту половину, где упоминалось имя Иоанна Антоновича.

За столь длительное, более чем полуторастолетнее, пребывание в университетской библиотеке книги Муравьевых заметно прибавили помет на своих страницах. Объем их столь внушительен, что можно говорить о самостоятельной теме — бытование дворянской семейной библиотеки в вузовских стенах. Весьма затруднительно определять, чей карандаш оставил след, если отчеркивание в тексте не сопровождается каким-либо замечанием. И тем не менее, один из таких “активных” читателей все же был вычислен. Им оказался ординарный профессор греческого языка и древностей А. И. Меншиков (1807–1884), который в одном из муравьевских томов оставил половинку листа, озаглавленного как донос в Попечительский совет, а на обороте набросал список книг. Теперь уже не вызывает сомнений авторство помет, оставленных на 4-томном цюрихском издании Ветхого Завета 1730–1732 гг.¹ Характер этих комментариев очевиден: их автор сравнивал данный греческий текст, а это так называемый Александрийский кодекс, с церковнославянским переводом Ветхого Завета в составе Елизаветинской Библии 1751 г. Поскольку эти тома отмечены суперэкслибрисом Никиты Муравьева, карандаш, которым делались пометы, был остро заточен и разбивка на листы, соответствующая русскому изданию, была аккуратно зафиксирована, что весьма характерно для “военнолюбивого” Никиты, то велик был соблазн приписать эту работу с текстом именно ему. Но последующие пометы на полях со ссылками на Тишендорфа, протестантского богослова, который в свое время обнаружил и привез в Петербург Синайский кодекс Библии, а также на Рейнкенса, католического богослова, заставил нас отказаться от этой мысли, поскольку их труды активно начали публиковаться в Европе уже после смерти Никиты Муравьева. Именно Меншиков оставил свое заключение в первом томе на с. 19, отметив “неполноту Алекс<андрийского> код<екса>”.

В десяти частях “Указателя российских законов” Л. Максимовича, частично публиковавшихся в типографии Московского университета, многочисленные пометы не только Никиты, но, судя по характерной скорописи второй половины XIX в., профессоров-историков права, которые задалась решением задачи об указном и безуказном закрепощении крестьян. Не исключено, что это следы чтения И. Д. Беляева (1810–1873), доктора гражданского права, ординарного профессора ИМУ.

Пребывание дворянской библиотеки в составе вузовской заставляет обратить внимание на сохранившуюся в ее составе учебную, главным образом, университетскую литературу. Сохранились некоторые отцовские книги со следами упражнений по математике и пометами касательно фортификации. Но это главным образом европейская книга: немецкая, французская. Русская учебная литература по времени издания могла пригодиться только Никите или немного позже его младшему брату Александру. В массе своей

¹ Vetus Testamentum ex versione Septuaginta interpretum olim ad codicis ss. Alexandrini... / a Joanne Ernesto Grabe... Tiguri Helvetiorum, 1730-1732.

это подносные экземпляры в красивых переплетах, красной или зеленой овечьей кожи, с золотым тиснением и золотыми обрезами, шелковыми форзацами, дарственными инскриптами. Книги эти, как правило, без помет. Среди изданий на русском языке они занимают приблизительно восьмую часть (из 475 названия их 55). Можно думать, что к ним относились как к подаренным вещам, а не как к носителям учебной информации. Но вот учебник И. С. Андреевского, также богато переплетенный, по начальному основаниям медицины-ветеринарии или скотолечения (М., Унив. тип., 1805) несет на себе многочисленные пометы, связанные с уходом за лошадьми. В “Английской грамматике” П. Ю. Жданова (Спб., тип. Морского шляхетного кадетского корпуса, 1801) также немало помет, связанных с произношением отдельных дифтонгов. Напрашивается вывод, что книги действительно были не востребованы или слегка просмотрены.

Естественно предположить, что как любая учебная литература, они быстро истрепались и просто не дошли до нашего времени. Но, с другой стороны, сохранились же учебники С. Е. Гурьева (истрепанные были переплетены заново уже в стенах университета) и Т. Ф. Осиповского по математике, где отмечены те или иные определения или отдельные примеры решения задач. Думается, причина кроется в том, что в начале XIX века университетская учебная книга продолжала оставаться вторичной по отношению к европейской учебной литературе. Достаточно заглянуть в предисловие любого пособия, чтобы убедиться в ее компилятивном характере. Академическая этика требовала перечислять авторов, на которых опирался новый исследователь. Да и сами авторы учебников часто не считали себя таковыми, нередко именуя себя издателями. А поскольку дворянские дети, которым действительно хотели дать хорошее образование, с детства овладевали главным инструментом — знанием европейских языков, то они слабо нуждались в университетской переработке западноевропейской науки. Они по-прежнему, как и их отцы, обращались к первоисточникам, выезжали за границу, слушали в европейских университетах профессоров, которые им были интересны. Скорее всего, именно потому, что Московский университет еще далек был от того, чтобы завладеть умами молодых дворян, а не только потому, что “учиться — не барское дело”, дворяне игнорировали университетское образование. Многие активно отдавали своих детей в Благородный университетский пансион и, как правило, им и ограничивались. А Московский университет в начале XIX в. оставался пусть высшей, но школой. Став попечителем университета, это прекрасно понимал М. Н. Муравьев. Он стремился к тому, что создавать научные общества при университете, превращая его тем самым в исследовательский центр. При нем было открыто Общество испытателей природы, новые клиники, начала выходить первая в Москве научная газета “Московские ученые ведомости”. Пожалуй, одной из немногих сфер, где университет был бы достаточно самостоятельным, было изучение собственной культуры, истории, литературы. Поэтому М. Н. Муравьев содействует созданию Общества истории и древностей Российских. Но требовалось время, что запустить эти процессы. А пока он сам заставлял своего сына учить латынь

и греческий не по хрестоматиям Х.-Ф. Маттеи¹, а непосредственно переводя оригинальные тексты античных авторов. Поэтому книги древнегреческих и римских историков, драматургов, ораторов несут на себе следы подстрочных переводов, замечаний, а в Государственном архиве хранится юношеский, аккуратно переписанный перевод Никиты из Тацита о нравах германцев².

В учебном 1811–1812 году Никита Муравьев, будучи студентом физико-математического отделения ИМУ, записался к следующим профессорам: математику Михаилу Ивановичу Панкевичу и Петру Ивановичу Страхову, который на тот момент был деканом физико-математического факультета и читал курс физики; к юристам Рейнгарду Филиппу Христиану, ставшему в России Христианом Егоровичем, которому предложили кафедру практической философии, истории философии и прав естественного и народного; профессору права Христиану Юлию Людвигу Стельцеру; профессору римского права Льву Алексеевичу Цветаеву; а также к Тимковскому Роману Федоровичу, профессору древней словесности; английский язык Никита изучал у Томаса Эванса, ставший Евензом Фомой Яковлевичем.³ Из книг тех профессоров, к которым Никита записался, сохранились “Система практической философии” Хр. Ф. Рейнгарда, переведенная с французского (М., Унив. тип., 1807), учебник Хр. Стельцера “*Elementa jurisprudentiae universalis*” (М., Унив. тип., 1811) и “Краткое начертание физики” П. И. Страхова (М., Унив. тип., 1810). Книги чистые, без помет, только на “Физике” Страхова план какого-то дома в Каменец-Подольске на форзаце. Это весьма любопытная связь, но с каким событием? Связано ли это с поездкой родственника и воспитанника семьи Муравьевых Константина Батюшкова в Каменец-Подольский, куда его вызвал генерал Алексей Николаевич Бахметев, адъютантом которого служил Батюшков в 1815 г.? Или же это намек на связь с одним из первых преддекабристских организаций, а именно Каменец-Подольским кружком Владимира Раевского? Пока не понятно.

В отличие от чистых университетских книг по той же юриспруденции, законодательные материалы России, начиная от судебныхников и кончая законотворчеством начала XIX в., несут на себе следы огромной работы, которую проделал Никита Муравьев, внимательно изучая систему государственного управления, сословную политику и т. п. Это пометы более позднего времени, когда у него появилась мотивация внимательно изучать российский (и не только) опыт. В университетские годы такого настроения не было, да и, судя по всему, оно не могло возникнуть. Симптоматично, что младший сын Муравьевых — Александр — ограничился домашним образованием.

¹ *Маттеи Х.-Ф.* Греческая хрестоматия, с латинским переводом, с русскими, отчасти и с латинскими примечаниями... М., Унив. Тип., 1806. В библиотеке Муравьевых хранятся два экземпляра этого издания для российских гимназий и оба без помет в прекрасной сохранности.

² ГАРФ. Фонд 1153. Ед. хр. 81.

³ ОРКиР НБ МГУ. Рук. 5Те 335. Л. 34 об.

И последнее гипотетическое рассуждение на тему помет. Человек, как известно, хранит ту модель воспитания, через которую прошел, и либо соглашается с ней, либо спорит. Никита, по всей видимости, соглашался, иначе для чего ему, взрослому человеку, было так методично расчеркивать “Бедную Лизу” Карамзина, как не для диктантов собственной дочери? Это прекрасный литературный текст для изучения родного языка и для воспитания чувств подрастающей дочери.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список запрещенных цензурой книг из библиотеки Муравьевых

1. Alfieri Vittorio. Vie de Victor Alfieri, ecrite par lui-meme... Т. 1-2. — Paris, 1809.
2. Campan J. L. H. G. Memoires sur la vie privee de Marie-Antoinette, reine de France et de Navarre; suivis de souvenirs et anecdotes historiques sur les regnes de Louis XIV, de Louis XV et de Louis XVI. Т. 1-3. — Paris, 1822.
3. Gourgaud G. Memoires pour servir a l’histoire de France sous Napoleon, ecrits a S. — Helene, par les generaux qui ont partage sa captivite et publies sur les manuscrits entierement corriges de la main de Napoleon. Т. 1-2. — Paris, 1823.
4. Guizot F. P. G. Du gouvernement de la France depuis la Restauration... et d’une note sur l’etat actuel des royaumes d’Espagne, de Naples et de Portugal. — Paris, 1821.
5. Его же. Des moyens de gouvernement et d’opposition dans l’etat actuel de la France. — Paris, 1821.
6. Iturbide A. de. Memoires autographes de Don Augustin Iturbide, ex-empereur du Mexique, contenant le detail des principaux evenements de sa vie publique, avec une preface et des pieces justificatives; traduits de l’anglais de M. J. Quin, par J. T. Parisot, traducteur des Lettres de Junius. — Paris, 1824.
7. Karl XIV. Correspondance de Bernadotte, prince-royal de Suede, avec Napoleon, depuis 1810 jusqu’en 1814; precedee de notices sur la situation de la Suede, depuis son elevation au trone des Scandinaves, pieces officielles recueillies et publiees... — Paris, 1819.
8. Lacretelle Ch. J. D. de. Histoire de France, pendant le dix-huitieme siecle... — 4-e ed. Т. 1-10. — Paris, 1819-1824.
9. Meillan A. J. Memoires de Meillan, depute par le departement des Basses-Pyrenees, a la Convention nationale. — Paris, 1823. — (Collection des memoires relatifs a la Revolution Francaise...).
10. Montveran T. de. Histoire critique et raisonnee de la situation de l’Angleterre, au 1-er janvier 1816... Т. 1-8. — Paris, 1819-1820. — (Запрещены т. 4-8. События 1820-1822 г.).
11. Pelet J. J. G. Memoires sur la guerre de 1809 en Allemagne, avec les operations particulieres des corps d’Italie, de Pologne, de Saxe, de Naples et de Walcheren; par le general Pelet, d’apres son journal fort detaille de la campagne d’Allemagne; ses reconnaissances et ses divers travaux; la correspondance de Napoleon avec le major-general, les marechaux, les commandans en chef, etc.; accompagnes de pieces justificatives et inedites. Т. 1-2. — Paris, 1824.
12. Pouqueville F. Ch. H. L. Histoire de la regeneration de la Grece comprenant le precis des evenements depuis 1740 jusqu’en 1824. Т. 1-4. — Paris, 1824.
13. Pradt D. G. F. Du Congres de Vienne. Т. 1-2. — Paris, 1815.
14. Storch H. F. von. Cours d’economie politique, ou Exposition des principes qui determinent la prosperite des nations. Т. 1-4. — Paris, 1823.
15. Toulougeon F.-E. Histoire de France, depuis la Revolution de 1789, ecrite d’apres les memoires et manuscrits contemporains, recueillis dans les depots civils et militaires. Т. 1-7. — Paris, 1801-1810.
16. Tranchant de Laverne, L.-M.-Ph. Histoire du feld-marechal Souvarof... — Paris, 1809.
17. Reuilly J. Voyage en Crimée et sur les bords de la Mer Noire, pendant l’annee 1803... — Paris, 1806.

М. В. Ленчіненко,

завідуюча сектором книг відділа рідких книг та рукописів
Наукової бібліотеки Московського державного університету
імені М. В. Ломоносова

СІМЕЙНА ДВОРЯНСЬКА БІБЛІОТЕКА МУРАВЬОВИХ В УНІВЕРСИТЕТСЬКОМУ ЗІБРАННІ

Резюме

Доклад присвячений питанням, що виникають при вивченні складу дворянської сімейної бібліотеки у контексті університетського книжкового зібрання. До таких відносяться історія надходження бібліотеки до університету, коли одним з власників книг є, з точки зору панівного режиму, політичний злочинець (декабрист), тісно пов'язане з цією темою питання університетської цензури, а також побутування книжок даного зібрання у професорському середовищі, що привносить багату кількість поміток на сторінки книг, які різко ускладнюють роботу з вивчення дворянського домашнього читання.

Ключові слова: дворянська сімейна бібліотека, університетська цензура, помітки, університетська книга.

M. V. Lenchenko,

Department of Rare books and Manuscripts
The Scientific Library of the Moscow M. V. Lomonosov state University

THE LIBRARY OF THE MURAVYOV FAMILY IN THE UNIVERSITY BOOK COLLECTION

Summary

The report considers the problems arising while studying the composition of a family library in the context of the university book collection, namely the history of the library acquisition by the university when one of its owners is a political criminal (from the point of view of the regime), that is a Decembrist. The mentioned problem is connected with the theme of a university censorship as well as with the existence of the books from this collection in the professorial milieu resulting in the appearance of a great number of notes on the books' pages which makes the study of the home reading in the families of nobility even more complex.

Key words: the family libraries of nobility, university censorship, notes, university book.